

О. Н. Полухин

Долг, служение, солидарность

КАК ВЫСШЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

В нашем понимании гражданственность — сложноструктурный, многофакторный и многофункциональный феномен. Проявляясь в политическом поведении субъектов, политических и гражданских акциях, он также включает в себе и нравственную компоненту, выражающуюся в том, что в сознании человека присутствуют развитые моральные качества, которые выражаются в его конструктивном гражданском поведении, профессиональной и общественной деятельности, отношениях с другими людьми, проявляясь в долге, солидарности, ответственности, способности и готовности выступать в роли гражданина, служить Родине, обществу, семье и т. д. Рассмотрим эти фундаментальные категории морали в контексте интересующей нас темы.

Долг, являясь категорией морали, обозначает нравственные обязанности субъекта социального действия, выполняемые в соответствии с требованиями совести и связанные с ответственностью, что предполагает высокий уровень самосознания индивида. Выполнение социально-политических задач тогда становится долгом, когда общепринятые нравственные требования в конкретных социальных условиях превращаются в имманентные личные требования граждан, а необходимость и важность решения поставленных перед обществом, коллективом задач рассматривается как личная задача, которая требует личной мотивированности в её выполнении.

Истолкование природы происхождения долга составляет одну из самых трудных проблем в истории этики. Основания долга связывались в различных школах и направлениях философской этики с той или иной формой истолкования нравственной необходимости (исполнения божественных велений, официальных и неофициальных общественных, политических структур, институтов, лиц, самоосуществления внутренних потенций личности и т. д.). Долг представляет собой императивную форму нравственности, принуждения к правильным поступкам. Как известно, И. Кант связывал с понятием долга специфику нравственности: нравственный закон выступает у него в форме категорического императива, а долг — в качестве его субъективной основы. Вместе с тем следует заметить, что в действительности не существует человеческих поступков, принципом которых был бы исключительно долг. Он может быть свободен от влияния склонностей, придающих поступку конкретность, единичность. Поэтому долг необходимо рассматривать только в соотношении и противостоянии со склонностями.

Разные политические идеологии в долге вычленяют разные компоненты. Например, в марксизме долг рассматривается в его обыденном значении как подчинение человека обществу, осознание обязанностей, способ социализации индивида, его интегрирования в социум. В консерватизме на первый план выходит сохранение существующей социальной системы на основе соблюдения традиций, морали. Либерализм в первую очередь признает идею верховенства прав человека, связывая с ней многие проявления долга. Во всяком случае, без принятия прав и свобод в качестве фундаментальных ценностей, выполнение долга, с точки зрения представителей этой парадигмы, весьма проблематично. Признавая важность и значение идей классического либерализма, следует отметить их узость для принятия поставленных нами проблем. Плодотворную, удивительно прозорливую и исключительно злободневную для нашего исследования идею высказал ещё С. Л. Франк. Он справедливо отмечал, что «идея верховенства прав человека слишком индивидуалистична», ибо вольно или невольно ведет к «забвению обязанностей перед Богом, обществом и государством»¹. Он сделал важный вывод: из идеи гражданственности вытекает и с нею естественно связаны три ценности в общественной жизни: долг, служение, солидарность.

Таким образом, в зависимости от того или иного парадигмального подхода в понимании гражданского долга может либо общественное преобладать над личным, либо индивидуальное доминировать над коллективным. Однако гипертрофированное доминирование того или иного аспекта может иметь серьезные последствия для социума, обуславливать такие альтернативные общественно-политические проекты, выполнение которых ведет к развитию общества с большими социальными издержками. Исторический опыт, политическая практика красноречиво свидетельствует о том, что игнорирование или принижение интересов личности перед коллективом, обществом, государством превращает человека в винтик административно-командной, бюрократической системы, в которой человек — не цель, ценность, а лишь средство решения государственных задач. Превалирование же индивидуального ведет к эгоцентризму, игнорированию коллективных целей и ценностей, может способствовать пониманию и проявлению свободы как вседозволенности, что также искажает моральную составляющую содержания гражданского долга.

Следует подчеркнуть, что задача решения моральной проблемы выполнения долга применительно к той или иной конкретной ситуации в конечном итоге возлагается на того, кто эти требования выполняет, т. е. на каждого члена общества. С одной стороны, каждый человек должен сам осознать объективное содержание своего гражданского долга. Никакие ссылки на общественные авторитеты, общепринятые мнения не могут оправдать его, если он понял свой долг неправильно. С другой стороны, ответственность человека перед своей совестью в конечном итоге выражает его ответственность перед обществом, поэтому общественное мнение, общественное, политическое сообщество людей правомочно судить о том, насколько правильно данный гражданин, член этого сообщества, понял свой гражданский долг. Отсюда, кроме служения и солидарности, долг обязательно предполагает ответственность.

Гражданский долг — категория историческая. Обязанности личности, социальной группы, народа всегда вытекают из конкретных социально-экономических и политических условий, обусловлены особенностями того или иного этапа развития общества, политической системы. Более того, особенности того или иного общественно-политического периода напрямую влияют на содержание и проявления гражданского долга. Во время войн, социальных катаклизмов, бедствий, кризисов они отличаются от его характеристик в мирное время, в условиях экономического процветания и политической стабильности в стране.

Мотивированные долгом действия гражданина квалифицируются как гражданские обязанности по отношению к другим людям, государству, природе, которая является основным фактором благополучия человека. Потребность в экономической, политической стабильности России, её духовного возрождения требует того, чтобы обязанность и ответственность людей были доминирующими в выполнении гражданского долга. Что касается прав, то они должны стать элементами повседневной гражданской и политической культуры. Это отнюдь не следует толковать в антинормативистском духе, как это делают некоторые специалисты этики, снижая гражданский статус долга до его смещения на периферию нравственной жизни, категория долга в этическом контексте означает служение как высшее нормативное начало гражданственности. При этом характерно, что русская политико-философская мысль, в отличие от западной, апеллировала, прежде всего, к правде, обязанностям, долгу, а потом уже — к праву как производному отражению обязанности. Служение следует рассматривать именно как обязанность служения добру и интересам общего в государственно-общественной жизни. Радикал-либералы, захватившие власть в начале 90-х гг. XX века, подвергли экзекуции многие понятия, в том числе и «патриотизм», означающий любовь к Родине и служение ей. Возрождение России невозможно без воспитания любви к Отечеству и служения ему. В современных условиях, когда вертикаль власти не в полной мере способствует утверждению приоритета общего блага, недостаточно участвует в воспитании патриотизма, в научных кругах, среде общественности, политиков и партий разных направлений вновь пытаются осмыслить патриотизм, интерес к которому в нашей стране за последние годы чрезвычайно возрос. Однако в условиях современных мировых и российских реалий анализ проблем патриотизма связан с большими сложностями. Этот термин нередко используется политиками-популистами для получения политических дивидендов. Он может ассоциироваться с радикализмом, национализмом, наращиванием военной мощи. Немало и тех, кто считает патриотизм — анархизмом в условиях глобализации. По нашему мнению, патриотизм — это мировоззрение и основа консолидации общества, духовная ценность, позволяющая сформулировать созидательную идеологию, сформировать гражданские позиции служения Отечеству, в деле созидания новой России. Для общества патриотизм должен стать ценностно-смысловым ядром гражданственности, национальной идеи, социального идеала России, основой для обеспечения безопасности страны, сохранения национального самосознания и идентичности народа.

Социальное служение — важнейшая характеристика гражданственности. Субъективность личности зрелого гражданина органически связана со служением не только себе, но и обществу. Эта проблема является сегодня предметом обсуждения научной общественности и практиками. В частности на базе Российского государственного социального университета (МГСУ) проводятся ежегодные социальные конгрессы, на которых рассматриваются вопросы социального служения. В диссертационном совете

МГСУ защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций по данной проблеме под руководством член-корреспондента РАН В. И. Жукова. В контексте интересующей нас темы анализировались работы О. Н. Субаевой «Социальное служение как исторический феномен: 1701 - 2001 гг.», С. Г. Зубановой «Социальное служение русской православной церкви в XIX в.» и др.

В ходе перестройки в 80 - 90-е годы XX века понятие «служение» оказалось дискредитированным. Оно не редко воспринимается в обществе как служение капиталу, властвующей элите, окружению президента, но не благу народа. Власть должна служить обществу, выражая и защищая интересы большинства. Тогда и для гражданского общества актуальным станет служение как наиболее общее выражение сущности человека. Это «онтологически ненарушимое, определяющее начало общественной жизни», по выражению С. Л. Франка, нарушено в постсоветской России. Нельзя согласиться с мнением, что служение, равно как и долг, честь, патриотизм, совесть, солидарность, милосердие, сострадание и т. д. — отживающие категории. Напротив, только солидарные, коллективные действия, ответственное служение отечеству, способны противостоять массовой безответственности, бездуховности, жестокости. В этой связи мы не можем солидаризироваться с позицией, согласно которой следует признать, что служение себе оказывается единственно полезным для страны делом. Тезис этот ошибочный, он ведет к господству эгоизма и своекорыстия, разобщению, а не объединению общества, социальных и политических групп.

Правильнее говорить, что гражданин как разумно свободное существо, равное со всеми другими, является членом высшего целого в лице эффективно функционирующего государства, ориентированного на благополучие членов, в котором гражданин, в свою очередь, призван исполнять обязанности, соответствующие его правовому положению. Но это утверждение не полное и нуждается в дополнении относительно государственной власти. Власть должна следовать предписаниям нравственного и правового законов и управлять не в своих интересах (верховой власти семьи и близкой к ней кланов), а в интересах общего блага России.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что теоретически и практически назрел вопрос о необходимости нового подхода к государственной службе. Традиционно она определяется как профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством исполнения государственных должностей в госучреждениях и органах, согласно федеральному закону. Общественно-политическая практика и современный уровень теоретического исследования проблемы требует такого понимания сущности госслужбы, согласно которому поступивший в аппарат госуправления специалист служит не только ведомству, не той или иной госструктуре или ее руководителю, а государству и обществу в целом. При таком понимании главным для госслужащего является добросовестное и самоотверженное служение людям. Различные подходы к определению сущности и назначения госслужбы раскрывают в своих работах Г. В. Атаманчук, Е. В. Охотский, В. Л. Романов и др. Как справедливо отмечает Охотский в интегрированном виде государственную службу можно представить как особый социальный институт публично — правового регулирования, нацеленный на признание, соблюдение и защиту законных прав и свобод людей, на создание и практическое обеспечение благоприятных условий для их безопасности и достойной жизни. Такое понимание государственной службы для нашего исследования имеет принципиальное значение.

Негативные последствия для всего общества имела правовая неразработанность многих проблем общества. Закон оказался бессильным утверждать приоритет общего блага. Оно либо недооценивается, либо игнорируется верховной властью, представители которой не обладают сформированным нравственным сознанием долга. И гражданское общество, в силу неразвитости, не в состоянии оказать эффективное влияние на власть и заставить учитывать интересы большинства.

Подобно тому, как в странах Запада на место «гомо экономикус» пришел более привлекательный образ личности, в котором стремление к личному благополучию совмещается с гражданскими обязанностями и правами, в России возможно на основе «новых русских», которые служат в первую очередь себе, сложится гораздо более привлекательный образ человека с четкой гражданской позицией, несколько похожий на западный гражданский образ. Социальным воплощением принципа индивидуализма явится демократия как механизм созидательного выбора и как основа для развития нравственности. В свете этого предположения становятся очевидными недостатки управляемой демократии, механизм проявления подменяет демократию служения общественному благу. Мы уже отмечали, что С. Л. Франк одним из первых выявил социальное служение как важнейший компонент гражданственности. Он справедливо указывал не то, что служение «... есть наиболее общее выражение онтологического существа человека и именно потому есть высшее нормативное начало общественной жизни»². Русские философы описали природу начала служения, видя ее суть, в исполнении человеком должного следования правде».

В таком подходе — исток расхождения религиозного и атеистического подходов к началу служения. От христианства пришел в Россию жизненный императив служения Всевышнему³. Русская политико-философская мысль, если вынести за скобки атеизм, не обходилась без теологического закона жизни вообще. Она находилась в резком противоречии с учением о верховенстве «народной воли», ибо апеллировала, прежде всего, к правде, обязанностям, долгу, а потом уже — к праву, как производному отра-

жению обязанности. Служение — это деятельность, способствующая утверждению добра, справедливости, основанная на реализации интересов общества. Обращаясь к Библии, философы следовали словам Иисуса Христа. Спаситель говорит: «Князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так, а кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. XX, 25 - 27). Оценивая эту мысль, можно сказать: «каждый человек должен думать о своих обязанностях и о своем служении». Начало служения есть верховный принцип жизни.

Для нашей общественной мысли была и остается актуальной проблема государственного властвования, упорядочения его и введения в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями народа. В начале 90-х годов XX в. Задачи попытались реализовать демократическое движение, которому удалось перевести антикоммунистическую «революцию» в ненасильственное русло. Однако радикальные реформаторы провели реформы не ради общественной пользы, общего блага, а ради интересов узкой группы. В этой связи в современном политическом процессе в России в связи с проведением реформ, от которых выигрывает лишь часть россиян, а не все общество, набирает силу гражданское сопротивление. Следует подчеркнуть, что в отличие от западной, в отечественной политической науке недостаточно исследована проблема гражданского неповиновения. Интересные мысли по данному поводу высказаны Джоном Роулзом в его труде «Теория справедливости»⁴.

В каком бы аспекте мы не анализировали политическое поведение граждан, чаще всего он оценивается в целом как конструктивное и созидательное. По этому поводу правовед Л. С. Мамут замечает: «Оно таково, в частности, потому, что зиждется на понимании гражданином природы и задач государства вообще, на трезвом учете им состояния конкретно существующей государственности и знаний путей ее практического улучшения. Это не стихия чувств (ненависть, презрение, апатия или подобострастие, радость, восторг) определяет его практический подход к государству»⁵.

Однако, в реальной российской политической практике нередко доминировали именно эмоции, стихия народных чувств. В XX веке в России в полной мере обнажилась склонность россиян к крайностям, революциям и катастрофам. Историк М. Я. Гефтер пытался объяснить эту склонность тем, что в России место стабильного среднего класса занимала интеллигенция, представители которой предпочитали служить народу или государству, но только не себе.

Мы солидаризируемся с мнением тех исследователей, которые главным следствием протеста народа, как радикальных форм гражданского сопротивления, считают «укрепление аппарата насилия мощного государства»⁶. Например, В. П. Макаренко даже в подавленной революции, которая дает «важнейший урок гражданского сопротивления», считая, что «Октябрьская революция была выражением действительного гражданского сопротивления русского народа социал-либеральным властителям-собственникам»⁷.

Советский период не освободил нашу страну от гражданского сопротивления — явного и скрытого по форме. Опыт советской политики повторяется в современной России, где большинство общества озабочено только выживанием. Если сослаться на современные исследования, то можно сказать, что независимость в СССР институтов гражданского общества, которые могли бы цивилизованно разрешать социальные конфликты между народом и властью, роль подобных регуляторов выполняли различные формы стихийного протеста населения.

Пришедшие на смену советским временам годы нелегитимного накопления капитала обусловили новые формы стихийного протеста населения, институты которого иногда действуют совместно с институтами гражданского общества. Даже Русская Православная Церковь вынуждена была в Основах своей социальной концепции поднять вопрос о гражданском неповиновении (IV.9).

Автор разделяет позицию Дж. Роулза, который считает, что «имеется естественная обязанность гражданственности не прибегать слишком охотно к недостаткам социального устройства в качестве причин для неподчинения им, а также не использовать неизбежные проблемы в правилах для продвижения своих интересов»⁸. Вслед за этим тезисом дано «определение гражданского неповиновения», рассмотрен ряд обстоятельств, при которых гражданское неповиновение оправдано. Первое условие имеет дело с типами несправедливостей. Второе — с безрезультатностью исправления ситуации правовыми средствами. Третье условие вытекает из тех обстоятельств, когда естественная обязанность справедливости может потребовать определенного сдерживания.

Долг, долженствование и служение тесно сопряжены с категорией солидарности. Данный феномен подвергался обструкции и остракизму. В современной науке понятие «солидарность» употребляется в нескольких смыслах. Во-первых, как «естественное» состояние общества: в силу разделения общественного труда люди объективно нуждаются друг в друге (О. Конт, Э. Дюркгейм). Во-вторых, как единение данной социальной общности (К. Маркс). В-третьих, как феномен группового сознания и групповой динамики, основанных на идентификации индивидов с некоторой («своей») общностью, причем индивиды сознательно делегируют часть своих прав данной общности в обмен на коллективную защиту их интересов (теория социального выбора). Итак, имеем соотношение понятий солидарность и коллективизм, солидарность и общинность, солидарность и соборность.

Несмотря на огромные потрясения, в обществе можно обнаружить, правда, в слабом виде, сознание неизжитой еще солидарности. Это и дает надежду на возрождение гражданственности.

На рубеже XVI-XVII вв. в нашем народе, будто наперекор судьбе, проявился дух солидарности во имя спасения разрушенной государственности. На рязанской земле, например, дворянин и воевода Прокопий Ляпунов умел мирить интересы высших и низших слоев. Мощная волна солидарности в народном ополчении, ведомом Мининым и Пожарским, спасла Российскую державу.

Восстановление государства в современных условиях в значительной степени зависит от позиций правящей элиты, которая разумеется должна быть национально ориентированной. В российском обществе, расколотом до основания, идет борьбы взаимоисключающих тенденций: гражданственных и антигражданственных, созидательных и разрушительных, гуманистических и варварских. Подавляющая часть населения России глубоко переживает национальное унижение. Сегодня проблематично однозначно осветить вопрос какие из тенденций победят. Научный анализ позволяет сделать вывод: хаос и дезорганизация объективно порождают противоположный процесс — упорядочения, согласованности, создания гражданского порядка. Именно перспективу гражданственности должна предвидеть властвующая политическая элита, забывшая о своем гражданском долге.

Человек оценивает общественные условия по представлению человека о том, насколько они содействуют осуществлению личных целей. Стоит напомнить о том, что великая сила христианской этики заключается в признании достоинства и значения частного, индивидуального начала жизни. Точнее, чем это сделал П. И. Новгородцев в книге «Об общественном идеале», не скажешь: «Свободная личность — вот основание для построения общественного идеала, но личность, не отрешенная от связи с другими, а носящая в себе сознание общего закона и подчиняющая себя высшему идеалу»⁹.

Это начало было известно еще митрополиту Илариону и Владимиру Мономаху, о нем не забывала в XIX в. и первой половине XX в. русская философская мысль. Но оно вновь ново и свежо в переживаниях молодых поколений, в новых применениях и в новом понимании принципа свободной и ищущей личности гражданина.

- ¹ См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 117.
- ² Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 107.
- ³ См. работы: Зубанова С. Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX в. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001; она же. Социально-историческая роль Русской Православной Церкви в XIX в. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2002; она же. Государственно-церковные отношения в XIX в. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000; Субаева О. Н. Социальное служение как исторический феномен: 1701 – 2001 гг. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2003; она же. Исторические тенденции социального служения // Социальная политика и социология. — № 5(21), 2004.
- ⁴ См.: Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. Универ. 1995. С. 313.
- ⁵ Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М.: Изд-во НОРМА, 1999. С. 129.
- ⁶ Макаренко В. П. Русская власть. Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦВШ. 1998. С. 325.
- ⁷ Указ. соч. С. 328, 444 – 445.
- ⁸ См. Роулз Дж. Указ. соч. С. 536.
- ⁹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 47.